

Истории гранитной мастерской

Ирина Тарасенко

Ирина Сергеевна Тарасенко
Истории гранитной мастерской

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29202400

SelfPub; 2018

Аннотация

Мистические истории, вымышленные и правдивые, об обитателях кладбища и тех, кто работает рядом с ним.

Содержание

Аномальная зона	4
Мишаня	8
Обещание	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Аномальная зона

История эта случилась с моими знакомыми.

Дело было в середине лета. Две семейные пары, дружившие и работавшие вместе много лет, решили съездить куда-нибудь на пару дней отдохнуть. Взяли палатку, мангал и все, что к этому обычно прилагается, и отправились посидеть ночью на дикой природе.

Вы спросите, откуда под Москвой дикая природа? Это надо километров 300-400 отъехать, да и то не найдешь.

Однако, будете не правы. Говорят, и в Подмосковье встречаются глухие леса, никто туда почему-то не ходит, ни одной тропинки не протоптано. Живность в них не водится, не поют птицы, не растут цветы и даже кусты почти не встречаются. В остальном, они ничем особенным не выделяются. Живущие рядом люди, знают о них, но ничего не рассказывают. Может, опасаются, чего?

Вот в такое странное место случайно занесло моих знакомых.

Машины они оставили в деревне, а сами, взяв поклажу, отправились в зеленеющий в отдалении лесок.

Довольно прилично углубившись, нашли полянку и приступили к разбивке лагеря. С палаткой и разведением костра возились долго— умелых и опытных в этой компании не бы-

ло. Закончили, когда стемнело. Наконец-то расположились вокруг костра, мужчины достали коньяк, их спутницы потеплевшее шампанское. Шашлык было решено готовить чуть позже.

Тихо было вокруг, ни малейшего дуновения ветерка, ни единого звука. Подозрительно тихо, как в пустой закрытой комнате. Лишь потрескивание дров раздавалось громче обычного, а собственные голоса звучали слишком гулко. Лес казался напряженным. Постепенно напряглись и люди. Ими стала овладевать беспричинная тревога. Шампанское вдруг показалось неуместным. Но напитки все равно сделали свое дело, и народ расслабился. Уже, как обычно, обсуждали любимые рабочие темы, смеялись и сплетничали.

Сидели долго, выпили немного, а мысли стали путаться у всех почти одновременно. Это они выяснили много позже, уже оказавшись дома.

Одна из женщин, глядя на подругу, сидевшую напротив через костер, с ужасом увидела в чертах ее лица образ своего отца, умершего много лет назад. Стало не по себе. Голоса мужчин, ведущих разговор, она уже едва различала, а вместо них явственно прозвучал неторопливый и глуховатый голос. Он настойчиво повторял один единственный вопрос: – «Где обещанный памятник?». В ужасе посмотрев по сторонам, женщина обнаружила, что никто не обращает на нее внимания, а значит, ничего особенного не слышит.

–Какой памятник,– она беззвучно пошевелила губами. В

ответ отец с укоризной посмотрел на нее.

–Да, вспомнила. Обещала матери, что поставлю. Я поставлю, поставлю– она затряслась, как осиновый лист.

Вскоре, образ отца растворился и принял привычный вид подруги. Женщина даже перекрестилась незаметно.

А та и не смотрела в ее сторону. Она застыла, глядя в одну точку, по щекам текли крупные слезы, губы шевелились. Неужели и она с кем-то разговаривала?

Вскоре беседа мужчин сошла на нет, вокруг костра повисло молчание. Стало неудобно. Тревожно. Кто-то посмотрел на часы – они стояли. У остальных случилось тоже самое, стрелки замерли на 18-00, как раз в это время компания вошла в лес. Телефоны тоже не работали. Разрядить ситуацию шуткой не удалось.

Неожиданно из глубины леса раздался тоненький, но пронзительный плач ребенка. Все в недоумении переглянулись – «Откуда в ночном лесу ребенок? Может, заблудился? Но почему его никто не ищет?» Потом кто-то заметил – «Судя по голосу– это грудничок». Стало ясно, что здесь что-то не так.

Мужчин охватила тревога. Женщин– паника.

–Нужно выбираться отсюда.

–Ночью? Сейчас даже не вспомнишь, откуда пришли.

После долгих колебаний было решено, что мужчины с фонариком пойдут и проверят, кто плачет и, может, найдут тропинку на выход.

—Не уходите надолго— взмолились жены.

Их не было, казалось, вечность. Голос давно стих. Когда они вернулись, еще не светало.

—Никого не нашли. Тропинок тоже не увидели.

—Представьте, тут нет ни одной брошенной бутылки, никакого мусора вообще. Как будто, здесь и люди-то не ходили.

—Даже мухоморов нет. А ведь они на каждом шагу сейчас.

Голоса звучали с плохо скрываемым волнением.

—Куда же мы попали?

Так или иначе, но надо было дожидаться рассвета.

Люди, тесно прижавшись друг к другу, сели у костра и, помимо воли, начали прислушиваться. В лесу стояла абсолютная, стерильная тишина. Над костром изредка вставали огромные тени, вставали и бесследно исчезали. Когда, наконец, постепенно стало сереть, все четверо выдохнули и стали быстро собираться. Теперь стало ясно, где находится выход из леса.

Эту историю мне рассказали однажды и только один раз, больше к ней никогда не возвращались. В лес даже за грибами никто из той компании больше не ходил. Одна из женщин через месяц поставила памятник своему отцу. А другая так и не объяснила, почему она плакала у костра той ночью.

Мишаня

Мишаня работал на городском кладбище, занимался благоустройством могильных мест. Работы летом бывает всегда много, вздохнуть времени нет. Мишане это нравилось. И не потому, что заработки хорошие, а потому, что не оставалось времени на собственные мысли. Только под дерево сядет передохнуть, задумается о своей бестолковой жизни, глядь— а уже заснул. Уставал очень.

Жизнь его и впрямь была бестолковая, не организованная какая-то. Жилья своего не было, семьей не обзавелся. Дочка, правда, росла в другом городе, он ее любил очень, навещал, подарки привозил. А здесь он был один, как перст, не считая подружки. Да и то неизвестно, долго ли продлятся их отношения.

Вот заснул он как-то под сиреневым кустом в тенечке, рядом с могилой своего друга— Бориса. Жара стояла несусветная, а тут прохладненько было. Сел дух перевести, его и сморило. И приснился ему сон.

Будто подходит к нему мужчина, весь строгий такой, в очках, в черном костюме, но только почему-то в белых тапочках. "Что это он в жару такую в костюме шерстяном? -думает Мишаня сквозь дрему,— и тапочки напялил белые, тенисные, что ли?"

Спит Мишаня и одновременно соображать пытается. Вдруг его осенило! «Да это же Борька, друг мой усопший!» От этой мысли Мишаня заволновался весь, но все равно не проснулся. Между тем, Борис подошел поближе к спящему, руку на плечо положил, вздохнул. Мишаня не испугался, предложил ему рядом присесть.

— Это хорошо, — проговорил усопший, — что ты нас не боишься. И работаешь ты тут на совесть, не халтуришь, как другие. Они думают, никто не видит. А мы все замечаем, за всеми тут приглядываем. Хороший ты человек, Мишка, всегда хорошим был. Хочу тебя отблагодарить. Не все, правда, мы тут можем. А что можем, то тебе, живому, и не нужно, наверное. Но вот одну вещь могу для тебя сделать.

— Какую вещь? — пробормотал сквозь сон Мишаня.

— Слышу я твои мысли печальные, все понять пытаешься, что в жизни не так сделал. Отчего она у тебя такая — вся наперекосяк. Так ведь?

— Так.

— Я тебя в прошлое верну, и ты там свою самую большую ошибку исправишь. Ту, с которой все не так пошло. Хочешь? Только вот, когда ты ее исправишь, то с того момента уже ничего помнить о том, что с тобой дальше было, не будешь. У тебя уже другая жизнь будет и память будет совсем другая.

Ничего не ответил Мишаня, а стал соображать, с какого момента у него все не так пошло. Стал потихоньку жизнь свою вспоминать, как будто кинолентку старую смотреть.

Дремлет и смотрит. Во сне Мишаня то улыбался, то волновался, то плакать принимался. Столько чувств разных испытал за свой не очень долгий сон! Как будто, жизнь свою заново прожил. Он и не думал, что она у него такая интересная и неоднозначная была. И радости были, и страдание, и горечь, и печаль, и любовь. Много всего, оказывается, было. Он и не думал раньше.

–Ну, что? Надумал? Делать тебе мой подарок, Мишка? Мы тут таких вещей никогда не делаем, нельзя. Но ты мне другом был, и я нарушу правила.

–Нет, Борис. Спасибо тебе. Очень я благодарен за твоё отношение. Не ожидал даже, что ради меня кто-то может правилами пренебречь. Но я хочу собой остаться. Я свою жизнь прожить хочу, не чужую. Мои ошибки – это мои ошибки, и счастье мое – это только мое счастье.

–Ну, тогда, прощай, друг.

–Спи с миром. Спасибо.

Подул влажный ветерок, деревья, наклонив свои кроны, зашелестели листвой. Набежавшие тучки закрыли солнце, собрался дождь. Мишаня немного озяб, проснулся, открыл глаза. Но непогода не испугала его, не заставила бежать с кладбища. Он ещё долго лежал под раскидистым сиреневым кустом, прятавшим его от дождевых капель, и чему-то тихо улыбался.

Обещание

Александр Николаевич Зуев жил в квартире с гранитной плитой. Обколотая по краям, она была очень неудобна в переноске. Передвигать метровую и достаточно толстую стелу было вообще делом не легким, не говоря уж о том, чтобы переезжать с ней с места на место.

Зачем же Александр Николаевич таскал за собой этот камень?

А дело было в том, что много лет назад его мама и тетушка – родные сестры, завещали ему похоронить их в одной могиле и поставить памятник один на двоих. Достать в то время настоящий гранит было не легко, но они побеспокоились об этом заранее. Очень уж им хотелось, чтобы на их могиле стояла гранитная плита на двоих красного цвета.

Где они его нашли, неизвестно. Да и стоил он по тем временам не мало!

Однако, деньги у сестер были. Купили они плиту армянского гранита под красивым названием Лалвар, и оставили милому Сашеньке приличную сумму денег, коих хватило бы не только памятник поставить, но и прожить безбедно некоторое время.

Много лет с тех пор прошло. Жил Александр Николаевич – не тужил. Деньги, ему оставленные, долго не кончались.

И машину купил, и дачу построил, и квартиру обустроил по последнему слову, и бизнес свой начал, и семьей обзавелся. Все в его жизни гладко шло, будто, помогал ему кто-то, от неприятностей оберегал, поддерживал в трудную минуту.

А несколько лет назад приснился ему сон, такой четкий и ясный, словно наяву все происходило.

Приснились ему мама и тетя Катя. Всю ночь они на него смотрели, глаз не отводили. Трудно словами описать, что в их взгляде было. Укоризна, любовь, сочувствие... Долгий взгляд, пронзительный. Все ему молча высказали.

С того самого дня все у него наперекосяк пошло. Бизнес затухать стал, жена от него ушла вместе с дорогой машиной, дачу продать пришлось, квартиру сдал, а самому пришлось переселиться в более дешевое жилье на окраине.

Понял он, в чем провинился, что произошло.

Камень тот красный, для памятника приобретенный, у Александра Николаевича на даче в дальнем углу сарая хранился. Вертки на нем висели, банки со старой краской стояли, садовый инвентарь, поломанный, рядом валялся. Теперь, когда дачу продать пришлось, нужно было решать, что с гранитом дальше делать.

Посидел Александр Николаевич на скамейке возле сарая, еще раз свой сон вспомнил и принял решение.

Гранит красный, под странным названием Лалвар, он отмыл, отчистил. Затем своих друзей позвал, чтобы помогли ему камень в квартиру перенести— больше некуда было.

Водрузили камень в комнате возле окна— напротив дивана, на котором Александр Николаевич спал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.